

АНАТОЛИЙ МУЗИС

СЕРДОЛИКОВАЯ СТОЯНКА

ИЗ РАССКАЗОВ ГЕОЛОГА

Анатолий Музис
Сердоликовая стоянка.
Из рассказов геолога

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42350314
ISBN 9785449666581*

Аннотация

Отряд геологов сплавляется по северной реке Седёдеме на резиновых лодках. Неожиданно происходит встреча с сибирским лосем – сохатым. Вынужденная остановка и стоянка приводит к обнаружению речной россыпи полудрагоценных камней – агатов, ониксов, сердоликов, а в береговом обрыве интересного для изучения слоя переотложенных глин...

Содержание

Глава 1

5

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Сердоликовая стоянка Из рассказов геолога

Анатолий Музис

Геолог, редактор Виктор Музис

© Анатолий Музис, 2019

ISBN 978-5-4496-6658-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

По Седёдеме плыли тремя резиновыми лодками. Солнце кружило над головой, било в глаза, светило в затылок – река крутила, путала.

Иван Нюкжин сидел в первой лодке, на корме. До воды оставалось сантиметров двадцать, но со своего места он мог одновременно видеть каждую излучину и наблюдать за береговыми обрывами. Слои окаменевших лавовых потоков с включениями округлых «вулканических бомб» и прослоев пепла тянулись вдоль реки пестрой мозаичной лентой. Они изгибались, прерывались, вновь возникали, меняли цвет, размер, форму. А у кромки воды стелились галечниковые косы. Каждая начиналась широкой, приподнятой над водой насыпью и за изгибом реки выклинивалась, чтобы появиться вновь на другой стороне. Между ними лежали перекаты, которые сейчас, по высокой воде, только угадывались.

И все-таки на подходе к ним Нюкжин подсказывал:

– Левой... Левой...

Герасим Полешкин, получив команду, поворачивался. Обзор по носу загораживала Ася, повариха. Она сидела поверх груза и сама походила на куль, притороченный поверх брезента. Но, окинув взглядом перекат, Герасим удовлетворенно кивал: мол, теперь понятно... И налегал на весла, не выпуская из виду «трехсотку» с имуществом, которую

они вели на буксире.

За «трехсоткой», на некотором удалении, плыла третья лодка, ее вел Андрей. Конечно, на такой реке как Седёдема рискованно доверять весла студенту. Тем более, что плыл он с сокурсницей Светланой. Она сидела в носовом отсеке, где Андрей оставил ей свободное место. Сесть на корму, подобно Нюкжину, она не решалась – страшно!

– Как они там? – иногда спрашивал Нюкжин.

– Детский сад!

Герасим пожимал плечами: мол, сам выбирал.

Да, Нюкжин взял их сам. Андрея, как имеющего опыт водного туризма; Светлану, как отличную чертежницу. Но присматривать за ними, на что намекал Полешкин, не мог. Его внимание привлекали береговые обрывы. Да и ничего особенного произойти не могло, они плыли спокойно.

За поворотом открылся очередной пережат. Нюкжин хотел подать очередную команду, как вдруг увидел сохатого. Тот стоял на косе, повернув голову в сторону лодки. Мощная грудь, мощная шея. Лишь рога молодые, не по габаритам владельца, им еще расти и расти. Сохатый невозмутимо смотрел, как из-за поворота выплывает что-то незнакомое, но не шевелился. Когда же лодка приблизилась, тронулся с места и ускоренным шагом затрусил вперед, к пережату.

Полешкин услышал шорох гальки, заметил, что Нюкжин замороженно смотрит мимо, и обернулся. Увидев зверя, он бросил весла, вскочил и выдернул из-под сиденья карабин. Его лицо ожесточилось. Позабыв, что лодку несет на перекаат, он выстрелил на вскидку, через голову Аси.

Лодка качнулась, а сохатый ускорил шаг. Но, вместо того, чтобы скрыться в зарослях тальника, по-прежнему бежал параллельно берегу. Полешкин выстрелил снова. Сохатый вздрогнул, но все-таки добежал до переката и стал пересекать реку вброд. Вода доходила ему до живота. Он напористо преодолевал течение, а лодка наплывала на него. А Полешкин стрелял – патрон за патроном, патрон за патроном.

– Герасим!

Полешкин обернулся. Глаза белые, безумные. Убить! Во что бы то ни стало!

Сохатый выбрался на противоположный берег и, не отряхиваясь, затрусил в чащу, припадая на переднюю ногу.

Лодку «трехсотку» занесло. От резкого толчка Герасим

чуть не свалился. Но сбалансировал, чертыхаясь схватил весло и начал выгребать на перекат. В этот момент «трехсотка» догнала их, толкнула в корму и по дуге ушла вперед. Теперь Полешкин маневрировал веслами, выравнивая «трехсотку», она мчалась по перекату, тараня быстрые воды.

И снова отмель. Лодку с шорохом протащило по мелководью. Герасим соскочил в воду, оглянулся на кусты, что скрывали сохатого, и побежал по косе, на ходу вставляя в магазин новую обойму. А лодку повлекло по краю отмели, с шорохом царапая о галечник. Нюкжин выскочил и притормозил ее за бортовой канат, но «трехсотка» – она теперь оказалась впереди, – стягивала вниз по течению.

Пройдя перекат, причалил и Андрей, и теперь спешил Нюкжину на помощь. Вдвоем они удержали головной понтон у косы. За ним, совершив движение по дуге, приблизилась к берегу и «трехсотка». Ее тоже вытащили до половины на галечник.

Тогда Андрей разогнулся.

– Попал? – спросил он возбужденно.

Только сейчас Нюкжин посмотрел на своего молодого помощника. Голова всклокоченная, взгляд взбудораженный, восторженный. Ну, как же?! Настоящая охота на дикого зверя! Он все видел собственными глазами.

Они пошли по косе. Мокрый след сохатого тянулся по галечнику, подсыхая прямо на глазах. Рядом темнели бурые пятна крови. Сбоку виднелись следы мокрых резиновых са-

пог.

– Ранен, – отметил Андрей. – И сильно.

– Плохо, – отозвался Нюкжин. – Может сгинуть. Ляжет в кустах и не поднимется.

Его тревожило и то, что Герасим опрометью кинулся в чащу. Раненый зверь очень опасен. В густом тальнике преимущество на его стороне. Он неподвижен, скрытен, а если двигается, то бесшумно. Нападает неожиданно. Если сойтись с ним вплотную, он способен задавить, растоптать человека.

Нюкжин досадовал. Охота не должна сопровождаться таким звериным азартом, нельзя подвергаться неоправданному риску.

Они вернулись к лодкам.

– Что там? – равнодушно спросила Светлана.

– Кровь, – хмуро ответил Нюкжин.

– Много крови, – уточнил Андрей радостно.

Светлана вздохнула.

– Никогда не думала, что это такая жестокость.

– Жестокость – закон тайги! – сказал Андрей тоном знающего.

«Что ты понимаешь в тайге?!» – подумал Нюкжин.

Он прислушивался: не донесется ли из чащи какой звук? Но чаша молчала.

Светлана и Ася прогуливались по косе, однако не отходя далеко. Главное, размять ноги! Ася чуть прихрамывала. Хромуша!

– Может, пойти ему навстречу? – предложил Андрей.

– Ну да! – сказал Нюкжин. – Чтобы он подстрелил Вас вместо сохатого.

Снова наступила настороженная тишина. Вода на перека-те булькала, словно кто-то всхлипывал. Шелестела листва и, казалось, кто-то идет. В тайге всегда так: если вслушиваться в шорохи, будет казаться ни весть что.

Но вот из чащи послышался выстрел, за ним – второй! Значит зверь и человек встретились.

– Как у меня гроыхнуло над головой, – вспомнила Ася. – Я аж обмерла вся...

Лучше бы не вспоминала. Качнись лодка сильней, Герасим мог попасть и не в сохатого. Но поздно говорить о том, что уже произошло. Теперь оставалось сидеть и ждать – что будет?

Наконец ветки тальника раздвинулись и на косу вышел взбудораженный Полешкин. Лицо его светилось.

– Добил! – торжествующе объявил он.

– Зачем стрелял? – с укором спросил Нюкжин. – Полно рыбы, дичи,.. Зачем?

Полешкин смотрел не понимая.

– Что же было, упустить его?

– Мы теряем время.

Герасим промолчал, потом сказал, будто Нюкжин обращался вовсе не к нему:

– Андрей! Пойдем, поможешь принести.

Конечно, теперь надо разделать тушу, выбрать и принести мясо, принять меры к его сохранению. И как бы не хотелось продолжить маршрут, предстояло поставить лагерь.

Распаковали «трехсотку», достали топоры, ведра, рюкзаки, небольшой брезент, пустые мешки. Полешкин осмотрел все хозяйским взглядом, полез в кухонный ящик и достал брусок. Обнажив охотничий нож, что висел у него на поясе, он стал оттачивать лезвие. Вслед за ним то же самое проделал Андрей.

Полешкин попробовал остроту лезвия на ноготь и удовлетворенно сунул нож в ножны.

– Пошли? – спросил он Андрея.

– Я с вами, – сказал Нюкжин. Командирские замашки Герасима раздражали, хотя его хозяйской хватке следовало отдать должное.

– А мне можно? – спросила Светлана, и трудно было определить, что побуждало ее – интерес или нежелание остаться на косе вдвоем с Асей?

Но и Асю оставлять, тем более одну, не следовало. Нюкжин на мгновение задумался, но Ася сказала:

– Идите. Я пока чайник согрею.

– Я ненадолго, – пообещал Нюкжин. – Посмотрю и вернусь.

Они углубились в заросли. Тальник стоял непроницаемой стеной. Только звериная стежка пронизывала чащу. Полешкин шел первым, расчищая дорогу топором. Второй рукой

он придерживал на плече карабин. За ним следовал Андрей с рюкзаком, заполненным мешками и брезентом. В руке он нес ведро, из которого торчала ручка второго топора, прижатого мешковиной. Светлана держалась за Андреем. Она шла налегке. Нюкжин замыкал шествие. На его долю груза тоже почти не осталось, так, полупустой рюкзак. И ружье.

Идти по тропке и то было сложно. Но вот, сохатый свернул с нее. Он ломился напрямую в самую гущу тальника. Поломанные ветки и кусты, шерсть на коре, пачкающая кровью листва. Зверь не выбирал дорогу, не таился. Только вглубь... вглубь... вглубь... И поскорее!

Но уйти далеко не хватило сил. Он слышал, как чудище приближалось к нему с треском и шорохом, повернулся рогам ему навстречу, но передние ноги подкосились сами собой. Он опустился на колени. Непонятная тяжесть запрокидывала на бок. А шум приближался, грозный, неумолимый, безжалостный... И вот они увидели друг друга.

– Он еще хрипел, – сказал Полешкин. – Пришлось добить.

Сохатый лежал безобразной, потерявшей пластичность тушей. Его голова зацепилась рогом за куст, отчего казалась приподнятой. Высунутый язык прикушен. Неподвижный глаз смотрел не мигая.

Полешкин сказал Андрею:

– Расчистим. А то не подойти.

Андрей достал второй топор и они стали вырубать кусты, вздымая тучи мошкары. Накомарники не спасали. Мошка

лезла под сетку, забивалась в глаза, в нос, проникала в рукава и за воротник.

Нюкжин быстро соорудил три дымокура. Трудно поверить, но в дыму дышать стало легче.

Полешкин, тем временем, вскрыл сохатому брюхо и, подстелив брезент, вывалил на него внутренности. Отделил сердце, легкие, печень и положил в ведра. Остальное выбросил в кусты. Взглянул на Нюкжина, усмехнулся:

– Лисицы растащат.

С окровавленным ножом в окровавленной руке он выглядел живодером в дословном понимании этого термина – «дерет заживо»! Но действовал Полешкин сноровисто. Сделал надрез на задней ноге и сал обнажать ее, плавно и легко отделяя шкуру от мяса.

С передней ногой возился Андрей. У него нож уходил или глубоко в мякоть или, наоборот, рвал шкуру. И если у Герасима в крови были только нож и руки, то Андрей перепач-

кался с головы до ног.

«Как Зигфрид!» – подумал о нем Нюкжин, вспомнив легендарного Героя Германского эпоса, который искупался в крови дракона и стал неуязвимым для вражеских стрел. Но и у Зигфрида все-таки оказалось незащищенное пятнышко под лопаткой.

И без всякой видимой связи подумал о Светлане – вот оно, уязвимое место Андрея!

Нюкжин вспомнил, какой она предстала перед ним впервые. Миловидная, изящная, подчеркнуто обрисованная модным брючным костюмом. А сейчас?.. Мошка, похоже досаждала Светлане более чем кому-либо. Она забилась между дымокурами, согнулась, съежилась. Дым першил в горле, вызывая кашель. На окровавленную тушу сохатого она смотрела с брезгливым удивлением.

Светлана напомнила ему, что на реке у лодок осталась Ася.

– Я пойду, – сказал он и взялся за ведра.

Светлана встрепелась.

– Я с Вами.

Тяжелые ведра оттягивали руки, ветки хлестали по лицу, цеплялись за накомарник – Нюкжин не мог их отвести. Он шел наклонив голову, словно тараня густую чащу. Не оборачиваясь он слышал, как следовала за ним Светлана. Она держалась за ним, как лодка на буксире, неотступно.

Ася сидела на берегу, пугливо вздрагивая при малейшем шорохе. Дымил костер, над ним коптился большой пятилитровый чайник.

Когда Нюкжин и Светлана вышли из кустов, Ася сразу заулыбалась, но сидевшее в ней беспокойство просилось наружу. Она выдала себя, сказав:

– Страшно... Как Вы там ходите, одни?

– Нюкжин поставил ведра на гальку и тоже улыбнулся:

Мы что... Вот Вы – смелая женщина! Променять городскую столовую на тайгу... Как Вы решились?

Сама не знаю, – сказала Ася. – Пришел Герасим Арсентьевич, стал уговаривать девчат – поедемте да поедемте. И заработок вдвое, и воздух чистый, и обслуживать всего пять человек. А девчонки в раздаточной молодые, лопушастые. Не успели вылупиться, уже румянятся, губы красят, волосы. Жизни не видели, а туда же... насмешничают... «Ася, тут тебя в экспедицию приглашают». И я вдруг подумала: «А что?.. Если возьмут?..»

– И не жалеете?

– Нет, что Вы! Там хуже. Шеф ругается каждый день, нецензурно. Плохо готовим! А как приготовить хорошо, когда продукты не по норме? А здесь, конечно, непривычно и страшновато, зато все по людски.

Припадая на левую ногу, она подошла к ящику с кухонной посудой, достала таз и стала выкладывать в него мясо. Потом пошла мыть его – молодая одинокая женщина, приниженная только потому, что с первых дней своего незадачливого детства ходила переваливаясь с боку на бок, как утица.

«Люди бессердечны и жестоки не только к природе, но и к самим себе...» – подумал Нюкжин.

– Хотите чаю? – спросила Светлана. Она достала сахар, хлеб, кружки. – Здесь ветерок. Благодать!.. Как бы мошкара там наших не съела...

Нюкжин от чая отказался. Смутное чувство беспокойства не оставляло его. Нет, за Герасима и Андрея он уже не беспокоился. Тогда что?.. Задержка маршрута?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.